

ЛУЧШЕЕ
ИЗ ЛУЧШЕГО
КНИГИ
ЛАУРЕАТОВ
МИРОВЫХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ
ПРЕМИЙ

Ч и т а й т е в с е р и и

Дж. М. Кутзее

Детство Иисуса

Дж. М. Кутзее

Сцены из провинциальной жизни

Дж. М. Кутзее

Медленный человек

Дж. М. Кутзее

Школьные дни Иисуса

Дж. М. Кутзее

Осень в Петербурге

Дж. М. Кутзее

Элизабет Костелло

Дж. М. Кутзее

Толстой, Беккет, Флобер и другие.
23 очерка о мировой литературе

Р. Флэнаган

Узкая дорога на дальний север

Р. Флэнаган

Смерть речного лоцмана

Р. Флэнаган

Желание

Р. Флэнаган

Неизвестный террорист

Т. Моррисон

Возлюбленная

Т. Моррисон

Боже, храни мое дитя

Т. Моррисон

Любовь

Т. Моррисон

Песнь Соломона

Д. Лессинг

Марта Квест

М. Этвуд

Слепой убийца

Б. Дилан

Хроники

Б. Дилан

Тарантул

Т. Т. Энг

Сад вечерних туманов

И. Макьюэн

В скорлупе

И. Макьюэн

Цементный сад

П. Бейти

Продажная тварь

П. Фицджеральд

Книжная лавка

П. Фицджеральд

В открытом море

М. Конде

Я, Титуба, ведьма из Салема

Ж.-М. Г. Леклезлио

Битна, под небом Сеула

Ж.-М. Г. Леклезлио

Африканец

Джон Максвелл
Кутзее

Смерть
Иисуса

Москва
2021

УДК 821.111-31(680)
ББК 84(6Южн)-44
К95

J. M. Coetzee

THE DEATH OF JESUS

Copyright © 2020 by J. M. Coetzee

By arrangement with Peter Lampack Agency Inc. Fifth
Avenue, Suite 5300, New York, NY 10118, USA

Перевод с английского *Шаши Мартыновой*

Разработка серии *К.А. Териной*

Дизайн переплета *А.Г. Саукова*

В оформлении переплета
использована иллюстрация *М. Мовшиной*

Кутзее, Джон Максвелл.

К95 Смерть Иисуса / Дж. М. Кутзее ; [перевод с английского Ш. Мартыновой]. — Москва : Эксмо, 2021. — 256 с. — (Лучшее из лучшего. Книги лауреатов мировых литературных премий).

ISBN 978-5-04-113664-2

Давиду уже десять. Он играет в футбол и спорит с родителями, но, несмотря на такие привычные мальчишеские повадки, он совсем не похож на сверстников. История о пути Давида в этом мире полна непростых вопросов о жизни, людях и памяти. Философский и пронизанный размышлениями, «Смерть Иисуса» — невероятный по своей силе роман, каждое слово которого — с трудом постижимая загадка.

УДК 821.111-31(680)
ББК 84(6Южн)-44

© Мартынова Ш., перевод
на русский язык, 2020

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-113664-2

Глава 1

Осенний день, зябко. Он стоит на заросшем травой пустыре позади многоквартирного дома, наблюдает за футбольным матчем. Обычно он — единственный зритель, смотрит, как играют соседские дети. Но сегодня останавливаются посмотреть двое посторонних: мужчина в темном костюме, а с ним девочка в школьной форме.

Мяч вылетает по дуге с левого края — оттуда, где играет Давид. Захватив мяч, Давид легко обходит защитника, выбежавшего ему помешать, и навесным ударом отправляет мяч в центр. Мяч ускользает от всех, ускользает от вратаря, пересекает линию ворот.

Дети играют по будням, команд как таковых у них нет. Мальчики собираются, как им удобно, включаются в игру, выпадают из нее. То их на поле тридцать, то всего полдюжины. Когда Давид только-только влился в эти игры три года назад, он был младшим и самым мелким. А теперь он среди мальчиков покрупнее,

но верток, хоть и высок, быстроног — коварный нападающий.

В игре затишье. Чужаки приближаются; пес, дремлющий у его ног, просыпается и поднимает голову.

— Добрый день, — говорит мужчина. — Что за команды играют?

— Это просто дворовая игра местной детворы.

— Неплохо у них получается, — говорит чужак. — Вы родитель?

Родитель ли он? Стоит ли объяснить, кто он такой на самом деле?

— Вон тот — мой сын, — говорит он. — Давид. Высокий мальчик, темноволосый.

Чужак оглядывает Давида, высокого темноволосого мальчика, рассеянно бредущего по полю без особого внимания к игре.

— Они не думали собрать команду? — спрашивает чужак. — Позвольте представиться. Меня зовут Хулио Фабриканте. А это Мария Пруденсия. Мы из «Лас Маноса». Слыхали о «Лас Маносе»? Нет? Это сиротский приют на том берегу реки.

— Симон, — говорит он.

Симон пожимает руку Хулио Фабриканте из приюта, кивает Марии Пруденсии. Марии, предполагает он, лет четырнадцать, крепко сбитая, с тяжелыми бровями и развитым бюстом.

— Я спрашиваю, потому что мы бы с удовольствием приютили такую команду. У нас есть

настоящее поле с настоящей разметкой и настоящими воротами.

— Думаю, им хватает просто пинать мяч.

— Если не соревноваться, навыков не накопишь, — говорит Хулио.

— Согласен. Вместе с тем, если создавать команду, придется выбрать одиннадцать, а остальных исключить, а это противоречит духу, который им здесь удалось создать. Я так это понимаю. Но может, и ошибаюсь. Возможно, они и вправду хотели бы соревноваться и копировать навыки. Спросите у них.

Мяч у ног Давида. Он делает финт влево, бежит вправо, движется так гладко, что защитник остается не у дел. Пасует напарнику по команде и наблюдает, как напарник безвольно забрасывает мяч в руки вратарю.

— Очень хорош он, ваш сын, — говорит Хулио. — От природы.

— У него преимущество перед друзьями. Он берет уроки танцев, оттого у него хорошо с равновесием. Если б остальные мальчишки брали уроки танцев, у них получалось бы так же.

— Слышишь, Мария? — говорит Хулио. — Может, надо последовать примеру Давида и позаниматься танцами.

Мария упорно смотрит прямо перед собой.

— Мария Пруденсия играет в футбол, — говорит Хулио. — Она у нас в команде один из главных бойцов.

Солнце садится. Скоро мальчик — хозяин мяча заберет его («Мне пора»), и игроки разбредутся по домам.

— Я понимаю, что вы им не тренер, — говорит Хулио. — И мне ясно, что вы не поклонник организованного спорта. Тем не менее подумайте — ради этих мальчиков. Вот моя карточка. Им, может, понравится играть командой против другой команды. Очень приятно было познакомиться.

Д-р Хулио Фабриканте, Educador, — гласит карточка. — *Orfanato de Las Manos, Estrella 4*.

— Пошли, Боливар, — говорит он. — Пора домой.

Собака с усилием встает, зловонно пукает.

За ужином Давид спрашивает:

— Что это был за человек, с которым ты разговаривал?

— Его зовут доктор Хулио Фабриканте. Вот его карточка. Он из приюта. Предлагает вам собрать команду, чтобы играть против команды из приюта.

Инес рассматривает карточку.

— *Educador*, — читает она. — Что это такое?

— Затеяливое название учителя.

Когда он приходит на травянистое поле завтра после обеда, доктор Фабриканте уже там — разговаривает с мальчиками, сгрудившимися вокруг.

— Можете и название для своей команды выбрать, — говорит он. — И цвет командных футболок выбрать.

— «Лос Гатос», — говорит один мальчик.

— «Лас Пантерас», — говорит другой.

«Лас Пантерас» мальчикам нравится, а предложение доктора Хулио их, похоже, воодушевляет.

— Мы у себя в приюте зовемся «Лос Альконес» — в честь ястреба, птицы, у которой самый зоркий глаз.

Давид спрашивает:

— Почему вы не назвали «Лос Уэрфанос»?
Неловкая тишина.

— Потому что, молодой человек, — отвечает доктор Фабриканте, — мы не ищем побрякушек. Не просим, чтобы нам подыгрывали из-за того, кто мы такие.

— Вы сирота? — спрашивает Давид.

— Нет, сам я, так вышло, не сирота, но отвечаю за приют и живу в нем. Я питаю громадное уважение и любовь к сиротам, а их на белом свете гораздо больше, чем вы, вероятно, думаете.

Мальчики помалкивают. Он, Симон, тоже молчит.

— Я сирота, — говорит Давид. — Можно мне играть у вас в команде?

Мальчики прыскают. Они привыкли к подначкам Давида.

Дж. М. Кутзее

— Перестань, Давид! — яростно шепчет кто-то.

Пора вмешаться.

— Не уверен, Давид, что ты понимаешь как следует, что такое быть сиротой — настоящим сиротой. У сироты нет семьи, нет дома. Тут-то и возникает доктор Хулио. Он предоставляет сиротам дом. У тебя дом уже есть. — Обращается к доктору Хулио: — Простите, что втянул вас в семейный спор.

— Не за что извиняться. Вопрос, поднятый юным Давидом, важен. Что это значит — быть сиротой? Значит ли это всего лишь, что у тебя нет зримых родителей? Нет. Быть сиротой — на глубочайшем уровне — значит быть одиноким на всем белом свете. В некотором смысле все мы сироты, ибо мы все на глубочайшем уровне одиноки на белом свете. Как я говорю молодежи, вверенной моим заботам, нет ничего постыдного в том, чтобы жить в приюте, ибо приют есть микрокосм общества.

— Вы не ответили, — говорит Давид. — Можно мне играть у вас в команде?

— Лучше играй за свою команду, — говорит доктор Фабриканте. — Если бы все играли за «Лос Альконес», у нас бы не было противников. Никакого соревнования.

— Я не прошу за всех. Я прошу за меня.

Доктор Фабриканте поворачивается к нему, Симону.

— Что скажете, сеньор? Одобряете «Лас Пантерас» как название вашей команды?

— У меня нет мнения, — отвечает он. — Я не хотел бы навязывать свои вкусы этим юношам. — Тут он умолкает. Хотел бы добавить: *...этим юношам, которые, покуда не явились вы, счастливы были играть в футбол по своему разумению.*

Глава 2

Четвертый год они проживают в этом многоквартирном доме. Хотя квартира Инес на втором этаже достаточно просторная для всех троих, он, Симон, по их обоюдному согласию вселился в отдельную квартиру на первом, поменьше и попроще обставленную. Ему она стала по карману с тех пор, как к его зарработку возникла надбавка за увечье спины, которая так и не исцелилась как следует, с тех самых пор, когда он трудился грузчиком в Новилле.

У него есть свой доход и своя квартира, но нет круга общения — не потому, что он нелюдит, и не потому, что Эстрелла — неприветливый город, а потому что он, Симон, давно решил целиком посвятить себя воспитанию мальчика. Инес же проводит дни, а иногда и вечера в заботах о магазине модной одежды, в котором она совладелица. Ее друзья — из «Модас Модернас» и более широкого мира моды. Симон сознательно не интересуется этими дружбами.

Есть ли у нее среди друзей любовники, он не знает и знать не желает — лишь бы оставалась хорошей матерью.

У нее под крылом Давид благоденствует. Он силен и здоров. Годы тому назад, когда они жили в Новилле, приходилось воевать с государственной системой образования. Учителя Давида считали его *obstinado* — своенравным. С тех пор от государственных школ Давида держали подальше.

Он, Симон, уверен, что ребенок со столь явной врожденной смекалкой способен обойтись без формального образования. *Это исключительный ребенок*, — говорит он Инес. — *Кто в силах предсказать, в каком направлении он одарен?* Инес, когда настроена пощедрее, даже готова с этим соглашаться.

В Академии музыки в Эстрелле Давид посещает занятия по пению и танцам. Пение ведет директор Академии Хуан Себастьян Арройо. В танце же его в Академии никто ничему научить не может. В те дни, когда является на занятия, он танцует как ему заблагорассудится, остальные же ученики повторяют за ним, а если у них не получается — наблюдают.

Он, Симон, — тоже танцор, пусть и поздно обращенный, да и без дарования. Он танцует сам по себе, по вечерам, уединенно. Облачившись в пижаму, включает граммофон на небольшую громкость и танцует сам с собою,

зажмурившись, долго — пока ум не опорожняется совсем. Затем Симон выключает музыку, ложится в постель и спит сном праведных.

Почти все вечера музыка — танцевальная сюита для флейты и скрипки, сочиненная Арройо на смерть своей второй жены Аны Магдалены. У танцев нет названий, у записи, подготовленной где-то в подсобке какой-то лавки в городе, нет этикетки. Музыка же медленная, величественная и печальная.

Давид не снисходит до посещения обычных уроков, особенно до упражнений по математике, в отличие от всех нормальных десятилеток, из-за предубеждения против арифметики, которую поддерживала в нем покойная сеньора Арройо: она внушила ученикам, прошедшим через ее руки, что целые числа — это божества, небесные сущности, они существовали до того, как возник физический мир, и продолжают существовать после того, как мир завершит быть, а потому заслуживают почтения. Смешивать числа между собой (*adición, sustracción*), или рубить их на куски (*fracciones*), или применять их к измерению количеств кирпичей или муки (*la medida*) — значит оскорблять их божественность.

На десятилетие они с Инес подарили Давиду часы, Давид отказывается их носить, потому что (как он говорит) они навязывают числам

круговой порядок. Девять часов — перед десятью часами, говорит он, но девять — ни перед, ни после десяти.

К приверженности сеньоры Арройо к числам, воплощенным в танцах, которые она преподавала своим ученикам, Давид добавляет свой идиосинкразический штрих: соотносит числа с определенными звездами на небе.

Он, Симон, не понимает философии чисел (про себя он считает ее не философией, а культом), проповедуемой в Академии: открыто — почившей сеньорой, сдержаннее — вдовцом Арройо и его друзьями-музыкантами. Симон не понимает этой философии, но относится терпимо не только из-за Давида, но и потому, что, когда находит на него подходящая настрой, его, Симона, посещает видение — мимолетное, неуловимое — того, о чем говорила сеньора Арройо: серебристые сферы, их так много, что и не сосчитаешь, они с неземным гулом вращаются друг вокруг дружки в бескрайнем пространстве.

Он танцует, у него видения, но он все равно не считает, что его обратили в культ чисел. Для видений у него есть разумное объяснение, и оно его почти всегда устраивает: убаюкивающий ритм танца, гипнотический напев флейты наводят транс, в котором со дна памяти подтягиваются осколки — они-то и вращаются перед мысленным взором.